

А вы что же, знаете разницу между сумасшедшими и нормальными?

Паустовский

Тик-так. Тик-так. Вспышка. Темнота.
Вспышка. Темнота.

Тимоти Лири

Душеед Пал Палыч Рыков, он же анимаатр, он же – в свободное от больнички время – душепевт, он же анималитик – иначе говоря, специалист более чем широкий, – проснулся от вспышки сиреневого цвета, засветившей ему аккурат меж бровей, – и засветившей, прямо скажем, крайне болезненно. Вместо привычного потягивания, вместо того чтобы осторожно, не потревожив Риту-1 и Риту-2 (собаку звали Рита и жену Рита), встать, как обычно, с кровати и пойти в ванную, он, приняв позу эмбриона, зажмурился, а когда – делать нечего! – открыл махонькие свои глазенки и привстал, чуть было не взвыл. Все – Рыков огляделся – будто такое же, и вместе с тем, вместе с тем... да что говорить! Впору только рукой махнуть, что мы – вот так – и сделаем.

Почуяв неладное, Рита-2 зарычала, а Рита-1, перевернувшись на другой бок, пасторальненько – чистый эф-дур – засопела. Отодвинув подушку, Пал Палыч грешным делом подумал, что вот ежли, к примеру, хотя б понарошку поцеловать (да-да, представьте себе) благоверную, боль непонятого происхождения стихнет, а если уж и не растворится бесследно, то непременно уйдет хотя

бы на время. Однако склонившись было над Ритой-1, душеед наш в ужасе отшатнулся: на оголившемся ее плечике примостилось существо неизвестной породы – нечто среднее между паучком и стрекозкой, с блестящими фасетчатыми глазами и длинными, загнутыми вверх, ресницами – ну точно носы туфель Хоттабыча! Чертыхнувшись, Пал Палыч перевел взгляд на собаку (Рите-2 повезло больше: никаких существ на ней не водилось), а потом снова на вторую 0,5 – ни-ко-то: «Едр-р-р-ить!..»

Он потер глаза, поморгал, вновь глянул на благоверную и вновь отшатнулся: проснувшись, Рита-1 инстинктивно потянулась к нему, а вместе с нею и существо. «токтор, – так называла его Рита-1 с институтских времен, – токтор, ты в оффе?» Сославшись на тошноту, он побежал в ванную и быстро включил воду, а посмотревшись в зеркало, заорал благим матом – существа, в самом прямом смысле сидевшие у него на шее, болтали длинными, словно ножки слоников «великого и ужасного», как называл наш душеед г-на Дали, лапками... Одно из них оказалось на редкость вертлявым – истеричная гиперактивность, промелькнуло у Пал Палыча, тут же, впрочем, цыкнувшего на самого себя за профболтовню; другое же, крепко вцепившееся в загривок (вот почему болит!), недовольно заерзало.

«Чур меня, – только и смог прошептать он, присев на краешек ванны. – Чертовщина, ну чер-тов-щи-на же, едр-р-р-ить... Или все-таки снится?» Вопрос, впрочем, может стоять и так: в своем ли он уме – впрочем, что такое ум, как не одна из поллюзий?.. Неужто анимашонки хоминидов и впрямь настолько токсичны? Долечил, ток, мои поздравленьица-с!.. Вспомнив о потенциальной возможной воспитализации (а воспитализация всегда потенциально возможна, услышал он Голос с антресолей, на которых пылилась многолетняя подборка «Анимари-

ческого журнала»), Рыков помрачнел еще больше – нет-нет, увольте! Пока можно скрывать существование, как окрестил он существ, картинок, никто ничего не узнает – в чем в чем, а уж в методах загона хоминидов к простому хоминидному счастью разбирался Пал Палыч блестяще: хороший, грамотный душеатр в состоянии сделать из двуногого овощ недели за две (кар-р-рательная анимария преуспела в сем поболее других), а посему...

«Ты еще в оффе? Говорила – не жуй мозги вчерашние...» – стучалась Рита-1 в ванную, а Рита-2 скреблась и скулила. Проведя рукой по лицу, дабы натянуть ту самую маску, без которой он не появлялся перед благоверной зим эдак десять, Пал Палыч отворил дверь и, стараясь не смотреть на существо, присосавшееся к Рите-1, осторожно, словно она была из муранского стекла, а не из бетона, приобнял ее. «Так ты, значит, в оффе... Говорила ведь...» Пал Палыч кивнул и, сделав жалкую попытку улыбнуться, снова едва не разрыдался. Если разрыв между внешней и внутренней войной достигнет критической запятой, думал Рыков, ну, то есть если пуповина с тем, что принято называть февральностью, по каким-то причинам оборвется, а голоса и существа станут обычным делом, то болезнь цветущего возраста, пожалуй, и сыграет с ним злую шутку... С другой стороны, он, Рыков, не страдает монотизмом – во всяком случае, в ярко выраженной его бесформенности, а уж о чем о чем, а о синдроме Дурминского-Дурамбо речь и подавно не велась: какой, едр-р-р-ить, «анимарический автоматизм»! Нет-нет... Не-ет! Рыков тряхнул лысиной и, сглотив слюну, даже топнул ножкой. Итак, нет, нет и еще раз нет. Никто не «вставляет» в его мозг чужие мысли, никто не заставляет их «звучать», делая доступными для других двуногих, а значит, чувство внутренней раскрытости – пресловутое «характерное проявление болезни» – ему незнакомо... Рас-

стройств речи и инстинктивной сферы не наблюдается, эмоции – ну да, притуплены (а у кого не?..), впрочем, отсутствие стремлений едва ли можно назвать фабулией... Да что это он, в самом деле? Показалось – и показалось. Enter!

Выйдя на улицу, – какой мягкий, нежный снег, подумал наш токтор, целую вечность, кажется, не обращавший внимания на подобные глупости, – Пал Палыч повел носом и вдруг замер. Его сосед, эндокринный дедок с клюкой, выгуливавший эндокринного таксика (завидев Рыкова, тот всегда истошно лаял), с ног до головы был увешан какими-то шевелящимися предметами. Со спины не разобрать – да чего там, не очень-то и хотелось, однако профлюбопытство одержало верх – приглядевшись, Пал Палыч даже присвистнул: черви. Ну и картинки ему показывают... По-ка-зы-ва-ют?.. Ущипнув себя за руку – так больно, насколько это возможно, – он, будто самка гомида, ахнул и кинулся в другую сторону.

Стараясь не смотреть по сторонам, он зашагал сначала по шумному, бестолковому Виленинскому, затем свернул на столь же малопригодную для прогулок, нескладную Бэкиманку, а дойдя до огламуренной дымчато-серой Потлянки, где Пал Палыча всегда охватывало чувство, называемое его пациентами хрустьёуо, постоял с минутой в нерешительности (будешь, пожалуй, решительным, коли тебе все-все про симптоматику, течение да формы с исходами известно!) и, замерев на миг у поребрика («Привет, vedmed! Твоя Литейная вьюность...», delete), направился к расписной храмине.

Сквозь лококольный взвон, пронизавший Пал Палыча до самых кишок, явственно различался все тот же Голос: «Хлуховые поллюцинации, Рыков, как и вред бреследо-

вания, не что иное, как особая форма отпада мыслительных аберрвращий: тебе ли знать?» – «Сквотче наш, иже еси – не донеси!..» – прошептал побелевшими губами Рыков и кинулся в Староцентный. Схватившись за голову, он повернул спешно налево, юркнул в переулок, вернулся назад, а потом еще долго курсировал – туда-сюда, туда-сюда – по Чижиковскому. Пришел в себя Пал Палыч лишь на Мордынке, у офиса «Стрём», на вывеске которого вальяжно растянулось полупрозрачное медузообразное существо. Резко развернувшись, Рыков плюнул и, неловко перекрестившись, – чем вызвал удивление и рыбглазой мамец с толстой уродливой, как она ее называла, дочей, и девиантных вьюнцов, – направился к Плятницкой: центр войны! Его затерянной войны... Надо же, а ведь когда-то он был здесь счастлив, да, счастлив, представьте себе... До свадьбы... «Крабля», – подняв глаза, прочитал Пал Палыч и, затравленно озираясь, вошел в синеворотничковую ресторацию.

Взяв поднос, Рыков шлепнул его о «рельсы», по которым, как по конвейеру, двигался к кассе корм оголодавших застольчей и гостей застольной, – ах, лучше б их всех не было вовсе!.. Втянув голову в плечи, Пал Палыч прищурился, чтобы рассмотреть цену, а потянувшись за супом, забылся и, бросив взгляд на стоящую рядом гоминидку – точная копия модильяневской «Маргариты», блеснул машинально интеллектом наш токтор, – вздрогнул. На плечах у темношерстной особи сидело ядовито-зеленое существо и без зазрения совести (да есть разве у них совесть, сморщился Рыков) строило ей самые невообразимые рожи; за талию другой гоминидки, похожей на молодую Саманту Фокс, держалась едва ли не дюжина существ, а вокруг высоченного

гоминида, никого Рыкову не напомнившего, сгрудились существа совсем уж неприятные... Чтобы не сойти с мозга – так это, кажется, называлось у них в больничке, – Рыков ущипнул себя и с трудом удержался от всхлипа: о, это ведь так «не по-мужски»! С другой стороны, если Мужчина как вид исчез при Гарри Цорохе (Женщина как вид мутировала и того раньше), стесняться решительно нечего, а коли так... В двенадцать раз, вспомнил Рыков отчет НОС, увеличилось в Хоминляндии количество анимарических восполеваний; четыреста пятьдесят миллионов хоминидов болтается в бесцельном томленьи по шарикуну... шесть миллионов «официальных» больных – листочки: кусточки же таковы, что треть великой его Бляндии, так скажем, того, а значит, пятьдесят миллионов хоминидов подлежит потенциальной воспитализации... Неужто и он – один из?.. Ну да, ну да, анимаатры не разграничивают процесс личностной трансформации и анимарические восполевания; вопрос лишь в том, что за процесс происходит с ним, Рыковым, – на трансформацию явно не тянет... Или он чего-то не понимает?..

Осознавая, что если хоть одной живой тушке – уточним: тушке родственной – рассказать о случившемся, больнички не миновать, Пал Палыч совсем пригорюнился. Во-первых, не должна ничего знать, конечно же, благоверная – токторская по транскультуральному исследованию расщепленной анимы (она же «разорванная душевность»), которую защитила некогда Рита-1, вернее, кожаная папка, в коей хранилась бесценная распечатка, грозно – *schizophrenia*: не дебютец ли, часом?.. – замаячила перед рыковским носом; пытаюсь увернуться от зловечка, он изменился в лице и, так и не найдя в себе сил дойти до кассы, кинулся прочь из чертовой ресторации.

А вот взять, к примеру, его *палатку*, судорожно соображал Пал Палыч, в которой каждый второй твердил опять же то о голосах, то о существах... Классика жанра, любой кончалый срыгнет – параноидная: стабильный бред (бред? Теперь Рыков ни в чем не был уверен), картинки в 3D-формате... Но речь-то с моторикой – о-го-го! Полный, так сказать, ажур! А то, что гон цимональный сдулся, так это, знаете ли, и к лучшему – да-да, к лучшему: именно он-то, гон, о его, Рыкова, нормальности и говорит! Да что «говорит»: кричи-ит! Свидетельствуете-эт!.. И все б ничего, ко всему – зачем только? Пал Палыч не знал – привыкаешь, но... как же теперь? Теперь как будет он терпеть-вертеть?.. Дышать-гнать?.. И прочая, прочая?.. Рыков совсем приглаголился, тем более что *вспышка* – та самая, засветившая ему утром аккурат меж бровей, – не просто отравляла существование, то и дело напоминая о себе холодноватым сиреневым свечением, но еще и вызывала гаденькую дрожь в членах: ту самую, да-да... О, если б мог вернуть он вчерашний день, когда все было так хорошо!.. Если б мог избавиться от жалящего анимашонку страха!.. Он не хочет, не хочет, не хочет *этого*! Он не обязан! Он, из end'a в end, вовсе не сумасшедший хоминид! Впрочем, если «не», то и видеть *этого* он не должен... Тронув кончик носа, Рыков покосился сначала на Зажёвачную «МакКоллапс», а потом поднял черепушку и едва не зарыдал: желтый дом обвивали похожие на лианы существа – они цеплялись за окна и карнизы, свешивались с балконов, висли на фантомах бельевых веревок... Не зная, что делать, Пал Палыч решил сделать хоть что-нибудь, а именно: купил сначала один шкалик коньяка, потом другой, третий и – худосочные ангелы на Дурском разводят на херес крыльями, а тучный зоил, не первую югу путающий телегу с рецензией, нелепо машет биг-букнутыми ручонками – немедленно выпил.

Здесь следует сделать небольшое отступление и сказать о том, что ни в Б., ни в Ч. Пал Палыч Рыков не верил: твердо стоя на позициях ортодоксальной анимарии, которую, приди сие название в шлемик иному райтеру – или, что хуже, волоокой райтерше, что вяжет нетленки крючком да спицами, а потом занимается их «раскруткой», – следовало б перелицевать скорей в клинический случай законопослушного душеедства, ибо лазерные, инсулиновые да электросудорожные способы кодирования хоминидов на простое хоминидное щастье, снискавшие в больничке славу, где трудился на благо Хоми проф. Рыков (табличка на двери кабинета), едва ли можно назвать хоть сколько-нибудь, ex.me, гуманными. Виной всему была, разумеется, ее Величество Парадигма (уж сколько токторов с токторицами отдали ей честь – и не сосчитать!), в зубастом лоне которой никак не умещалась даже самая обыкновенная, с точки зрения анимарии феноменологической, диссоциация, а по-простому – раздвоение личности. Рыков, конечно, понимал, что, скажем, где-нибудь в далекой Хомининдии подобное «нарушение личностной индентичности» названо будет трансом и полчища хомипологов накинутся на него, посмей он поставить под сомнение факт овладения духами «и прочие медитации», как называл Пал Палыч все, что нельзя было измерить или взвесить, – тогда как в родной Хоминляндии, а также в «загнивающих» Бляндиях, где переход особи из активного состояния в пассивное не только не приравнивает ее к отработанному материалу, но, наоборот, позволяет ей, особи, немного порадоваться, все та же диссоциация будет названа mental disorders... Вот Пал Палыч и нарушал, тем более что ортодоксальная анимария, на которую он хоть и не молился, но ставить под сомнение чью Главную Парадигму никогда не решался, критериев степени нор-

мальности (взять, ex.me, количественные заценки выраженности воли или эмоций: а что?..) выработать так и не сумела: а значит, коли фрицу в кайф – хоминиду-то не жить... что один душеед «эмоционально-волевым снижением» посчитает, другой – р-раз! – и за «норму» выдаст, и никому ничего за это не бу.

Ну да, ну да, он, Рыков, все про «исчезающие» диагнозы-то знает – много чего из пострельного списка исключили: а попробуй-ка, старче, объективируй, ежели такой умный и небогатый, клиническую поллюцинацию! Не сгноишь ли кого, часом, покуда про дисбаланс мифический – химический? биологический? кто ж его разберет в палатке! – буквами своими снулыми в карте не настучишь?.. Пройдемте, впрочем, – пройдемте-ка – пройдемте-ка! – за персонажем.

Едва добравшись до квартиры, Пал Палыч, не сняв пальто и шляпы, кинулся на кухню. Приподняв крышку сковородки и увидев холодную курью ногу да, как называла Рита-1 крыло, руку, Рыков шмякнул их – шлеп-с, шлеп-с – на блюдо, бросил одежду на спинку стула и, присев, шумно сглотнул, после чего, собравшись было вгрызться в поднесенный к пасти кусок живой некогда плоти, у которой, равно как и у живой плоти Рыкова, имелись болевые рецепторы, неожиданно замер да и – так знай себе, настукивает по клавише грезящий о лаврах нововьюный писец – «упэрил зенки в тарэль». Курья нога, дернувшись, напряглась, затем приподнялась и, поскользнувшись на лужице масла, пошла-шла-шла по тарелке, после чего, ловко подтянув к себе крыло, сложилась на удивление быстро, превратившись в розовато-оранжевую самку породы фавероль, а именно в выдавшую виды куру с пятью пальцами на лапах, кремовым хохол-

ком и дурацкой бородкой, которую душеед наш, глянув на висевший у окна каирский вирус с изображением надменной фараонши, назвал, не имея на то особых причин (теперь, впрочем, его вера в то, будто причина возникает раньше следствия, была поколеблена), «церемониальной подвесной»... Перекрестившись, чего с ним обычно не случалось, Рыков перевел взгляд на тарелку и похолодел: куриная фараонша, закручиваясь по спирали в воронку (нагнувшись, Пал Палыч заглянул под стол, но никаких приспособлений – впрочем, для чего?.. – не обнаружил), проваливалась в буквальном смысле сквозь пол, но словно бы не до конца: это-то и обескураживало... Когда голова, казалось, уже должна была исчезнуть, неведомая Рыкову сила выталкивала ее обратно, и все повторялось по новой, с той лишь разницей, что заморская дичь раз от раза уменьшалась в размерах, превращаясь из перекормленной самки сначала в невинную цыпу-гриль (на миг Рыкову показались, будто глаза у твари этой – простим доктору грубость – занебеснутые: в точности как у Риты-1... но только на миг), а потом в яйцо, имеющее, как уверяют экстра- и прочие сенсы, форму ауры, в существование которой Пал Палыч с упорством хоминёнка не верил, и иже с ним, потому как в то самое время, когда смиренный автор грызет сии строки, персонаж его совершает один из скачков в то самое Далёко, которое можно назвать просмотровой февральностью, или демо-версией. И что же – ну-ка, ну-ка, – он просматривает?

А просматривает он клетку из витой проволоки – ту самую клетку-батарею, где свет горит почти круглосуточно, а существо, расположившееся аккуратно под лампами, уточняет, что «эти твари» несутся каждые тридцать два часа – каждые тридцать два часа четырнадцать месяцев

кряду, после чего забиваются, и... «ЗАбиваются?» – выдыхает Рыков, впервые любопытствовавший, почему ЗА-, а не У-, и замечает хоминида с раскаленным ножом, спешащего рtichku – во избежание внутривидового каннибализма, поясняет существо – обес – что-что? – клювить. «Рита-а-а, ко мне...» – только и смог крикнуть Пал Палыч, подбежавшая Рита-2 лизнула его руку и, поджав уши, завыла.

Стоит ли говорить, что аппетит пропал напрочь? Мало того, что секунду назад Рыков побывал в аду – все это цветочки: десятки – сотни? он не ведал! – голов заполнили дом, тут же впитавший в себя запахи крови и экскрементов, – так и смердит, верно, смерть, догадался Рыков, на ум которому приходила меж тем всякая чушь: крестоматийное, скажем, «Хоминляндия есть игра природы, а не игра ума» или эстетское «Случай, который мог бы произойти, заканчивается фигой», что, впрочем, не избавляло Пал Палыча от, как называл он картинки, поллюцинаций. Шеренги кур и гусей, свиней и кроликов, овец и лошадей тянулись, казалось, до горизонта. Приглядевшись, Пал Палыч различил и быков, и молочных коров, и телят с ягнятами... Были тут и индейки, и перепелки, и поросята-сосуны, и поросята-отъемыши – всех разве перечислишь!.. Космический его секундомер застыл – не в силах справиться со страхом (главное, как не преминуло напомнить одно из следящих за нитью повествования существ, средство приручения хоминида), Рыков кинулся в халюон, где его – и хотелось бы сказать «благополучно», но это, увы, не так: отмыывать пришлось не только пол, но и стены – вырвало. Вытерев губы и вмиг посеревшее лицо туалетной бумагой «Жасмин», пошатывающийся Рыков выбрался в коридор и застонал: обрывки фраз куздроглокой хрипторши – «корейка из тайца с кровью...», «маринованное сырое

филе голубя...» – парализовали вконец, и в тот самый момент, когда Пал Палыч совсем скис, до него наконец дошло, что всю эту живность он, стало быть, и пожрал... Tastes differ!.. Услышав, как поворачивается в замочной скважине ключ, Рыков схватился за сердце: Рита-1... ох, не к тімени!.. Когда, впрочем, жена – к тімени? И эта ее Мигрень с ней, под ручку... скука, тоска: мыстама-ройходимпарой, тьфу!.. «Верста есть пятьсот саженой, или полторы тыщци аршин, или три с полтиной тыщци футов, или тыщца шестьдесят шесть и восемь десятых метра, – зашептал быстро-быстро Рыков, сиясь поставить черепушку на место. – В одной морской миле тыщца восемьсот пятьдесят два и две десятых метра, один фунт равен...» – «Ты все еще в оффе?» – сухо поинтересовалась Рита-1; сделав усилие, он выдавил улыбку, похожую на гримасу, развел руками и внезапно насторожился. Да, все в его благоверной осталось будто б прежним – и вместе с тем что-то чужое, чуждое, агрессивное появилось в облике. Подойдя ближе, Рыков заметил маячивший над ее париком прозрачный bubble: в пузыре – вполне отчетливо, несмотря на причудливый шрифт, – различались буквы, складывающиеся в слоги, слоги – в слова, а слова – в предложения, смысл коих казался Рыкову поначалу более чем странным (взять, к примеру, одно лишь «только бы этот не понял») и все же сомневаться в коих было по меньшей мере глупо: баббл за бабблом, баббл за бабблом – вот тебе «и да любите друг друга», вот тебе и мигрень... «Куй-железо!» – маяк для жертв нестоячки (так безыскусно называли бабки, к которым упорно не ходил Рыков, скучный профессорский диагноз): «Хрен-новация – мерцалка, увиденная в аптеке, – необходимая для дыррэкции твердость и хрузка на ваш многочлен!..»

О да, размышлял Рыков, закрывшись в кабинете, адюльтер, в сущности, не самая скверная штука: хоми-нид по природе слаб и эгоистичен – но что с того? Главное, не подать виду, никоим образом не выдать страх... А может, уйти в работу? Теперь-то ему наверняка будет проще понять пациентов – во всяком случае, некоторых... Откинувшись на спинку стула, Пал Палыч подвинул двумя пальцами крохотное существо, примостившееся на полуоткрытом ящичке письменного стола (он – а что делать! – почти уже привык к ним), достал ежедневник и, погрузившись в чтение, раскраснелся от злости: мало того, что его записи изменились до неузнаваемости, – подробный анамнез с описанием анимарического скватуса и состояния как ветром сдуло! Судите, впрочем, сами.

«Больной П., 31 год, архитектор. Замкнут, напряжен, чаще всего рассеян; принимает химию для мышц. Страдает фитнес- и интернетзависимостью, панически боится “конца света”. Питается пять раз в день, преимущественно гречкой с мясом. Ревнует жену – скорее всего, безосновательно. В обеденный перерыв сбегает из архбюро в “Текстоед” и читает с середины книги в среднем минут тридцать. Коллег ненавидит, считая их “бездарными быдлом”. Мечтает о любовнице, которая сделала бы ему массаж ступней. Уверен, что в Гоминляндии таких нет – подумывает о сексуальном туризме. Глубоко несчастным чувствует себя чаще всего в воскресенье вечером, когда гуляет с догом по кличке Муся».

«Больная Л., 34 года, ресторатор. Не различает сон и явь: часто увиденные во сне события расценивает как реальные. Чтобы не попасть впросак, записывает все, что произошло за день, в специальную тетрадь. Боится, что

ту найдут “чужие”: хранит ее под матрасом. Увлекается фотографией. Прикуривает от спички. Обожает фильмы с Ричардом Гиром, бальные танцы, велосипедные прогулки. Очень любит спать: лучшая фаза с восьми утра до полудня. Подчиненных называет “недоразвитым быдлом”, клиентов – “свиньями”. Искренне удивляется тому, “как люди вообще могут есть в ресторане”: сама питается в одиночестве, считая процесс принятия пищи столь же интимным, что и совокупление. Имеет любовника двадцати восьми лет и семилетнюю дочь. С бывшим мужем отношения дружеские; считает его, впрочем, неудачником и называет не иначе как Хоботов».

«Больной С., 26 лет, дизайнер. Фобия – “испортить себе карму”. Чрезмерно увлекается эзотерикой. По субботам выпивает две бутылки крепкого пива; имеет дома люстры в виде шаров, которые его успокаивают. Любит котов, но все время говорит о своем, которого якобы отдаст, так как тот его “извел”. Жалует о своем участии в некоем маркетинговом исследовании, которое и довело его “до жизни такой”: уточняет, что сидел долгое время за стеклом, глядя на группы людей, “генерирующих идеи на предмет того, как должна выглядеть упаковка”. В задачу больного входило превращение высказываний респондентов в художественную метафору, а именно – моментальное изображение вариантов того, что только что было сказано. Упаковка должна была “символически отразить харизматичность и глубину рекламируемого вкуса, радость наслаждения” – после отражения неделю не мог прийти в себя “по причине тоски”. Женщин избегает, считая их “циничными созданиями”. Мечтает стать отшельником – “уйти в какую-нибудь пещеру”. С трудом представляет, как будет обходиться без горячей воды и кофе».

«Больной Н., 40 лет, менеджер по продажам, нос “капелькой”, антисемит. Страдает неврозом на бытовой

почве и психосексуальным инфантилизмом. Соседей ненавидит, секса с женой не имеет. С дочерью отношения натянутые (“она меня ни во что не ставит”). Женщин называет “эти шимпанзе/макаки/гориллы”. Мечтает переспать с собственной директрисой (“если б вы только видели эту горячую штучку!”); понимает, что “не светит”. Обожает яичницу с помидорами, перцовку, свежий воздух (открытые форточки – одна из причин конфликтов с женой, панически боящейся сквозняков). Разводит кактусы и суккуленты: когда никто не видит, разговаривает с ними и плачет, понимая, что мечты о нурсери, как и о пампсах, сосках и пинетках, останутся мечтами».

«Больная И., 40 лет, переводчик. Имеет собственный дом, машину, собаку, girlfriend. К месту и не к месту напоминает, что в 90-м году ее так называемый диагноз был исключен из Международной классификации болезней гоминидов. Говорит о нем как о “разновидности нетипичной анимагендерной ориентации, отличающейся от стандартных связей лишь направленностью влечения”. Любит рассуждать о гендерной идентичности. Мания – рассматривать в местах скопления самцов-гоминидов их лингамы, однако самих самцов побаивается. Планирует жить вечно: хочет заморозить свое тело, объясняя это тем, будто “кристаллы льда не разрушают, а лишь режут клетку пополам”. Поясняет, что клетку можно оживить – “то есть склеить” – в будущем. Рассказывает о нанотехнологиях, ультранизких температурах, жидком азоте и сетует на дороговизну крионики, что и вызывает снижение моционального гона. Искренне сокрушается из-за того, что крионирование головного мозга обойдется ей в девять тысяч, а тела – в двадцать пять тысяч у. е.».

«Больной Ю., 50 лет, вдовец, живет с сыном, преподает начертательную геометрию. Панически боится конца света, постоянно возвращается к пророчествам майя.

Настаивает на том, что “в декабре 2012-го Солнце, оказавшись в зоне Млечного Пути, извергнет на Землю громадный заряд плазмы, который парализует все, что работает от электричества”. Больше всего боится за трансформаторы, так как из строя выйдут все энергосистемы. Иногда страшится этого настолько сильно, что лежит целый день под одеялом, и “только чувство ответственности перед студентами” не дает ему умереть. Тяжелейшая депрессия отягощена информацией об изменах погибшей год назад жены».

«Больная А., 33 года, копирайтер, разведена, полгода не имеет секса. Подробно рассказывает о специфике своей работы, зачитывает наизусть куски некоторых текстов. Особенно ненавидит брошюру о пылесосах фирмы Ssung: нервно смеется, вспоминая, как креативный директор вынудил ее “сравнить пылесос и homo в разделе «Эволюция пылесосов Ssung»: когда-то человек был примитивным существом, вынужденным день за днем бороться за выживание. Теперь он – самый могущественный вид на планете. Эволюция пылесосов прошла такой же путь: от первых примитивных устройств до самых совершенных моделей компании Ssung” – и др. и пр. Плачет, когда вспоминает о некоей автоматически открывающейся передней задвижке щетки: “Она открывается, собирая пыль, а затем закрывается, не позволяя попасть ей обратно на пол...” Говоря об улучшенной “интеллектуальной задвижке”, агрессивно смеется и называет свои тексты “информационным империализмом”. Мечтает найти гормоны человечности. Любит попугаев, аквариумных рыбок (разводит), а также красное кружевное белье. Страдает “от непонимания и одиночества”. Пьет примерно раз в месяц; потребности в компании при этом не испытывает. Профессиональная аллергия на любые виды текста».

«Больная С., 36 лет, домохозяйка. Считает себя одним из воплощений Нефертити – носит в кошельке фотографию бюста царицы и, сравнивая со своим изображением, постоянно находит все новые “общие черты”; “Нефер-Неферу-Атон-Нефертити” произносит с улыбочкой. Эгоцентрична, настаивает на собственной исключительности. Называет себя “актрисой и художницей”, хотя с искусством не связана. Изменяет мужу с периодичностью раз в квартал, детей не имеет; часто испытывает страх перед действием. Постоянно говорит о сексуальном контакте с неким “пришельцем”; жаждет повторения, потому как “на земле такого просто не может быть”. Наставляет при случае “на путь истинный”. Любить неспособна. Решение пройти курс лечения объясняет тем, что ей “скучно жить”».

«Больной Р., 47 лет, душеед. Женат, имеет склонную к адюльтерам супругу Риту и собаку Риту; обеим сукам присвоил порядковые номера. С Ритой-1 отношения скорее партнерские, нежели супружеские, – об интимных “обязанностях”, во всяком случае, речь давно не идет по причине половой слабости профессора. Риту-2 ценит за искренность и бескорыстие, природу коих до конца понять не в состоянии. В больничке работает двадцатый год. Как и Гиппократ, склоняется к тому, что в основе возникновения анимарических восполеваний лежит некая физическая причина, однако, как всякий матерьялист, считает пребывание так называемой разумной анимы в мозге “мракобесием”. В лечении анимарических восполеваний активно применяет разнообразные комбинации нейролептиков и других анимафармакологических средств, в большинстве случаев превращающих его пациентов в живых трупов. Столкнувшись впервые с головами и существами, испытал жгучее чувство страха: понимая, что ни те ни другие не являются поллюцинациями,

но лишь открывают гипотетическую дверь в иные, пока недоступные хоминидам (в массе своей) измерения, осознал, пусть и на бессознательном уровне, всю иллюзорность такого понятия, как “нормальность”, а также собственную профессиональную и хоминидную никчемность, которую Милан Кундера назвал непереводаемым на язык больного Р. словечком “литость”».

Захлопнув ежедневник, Рыков злобно покосился на существо, мирно сидящее на ящике письменного стола, и, тяжело вздохнув, решил «искать ответа у книг», благо было их у него пруд пруди. Ну да, ну да, восприятие без объекта... присовокупим сюда пресловутый когнитивный диссонанс, размышлял он, подвигая стремянку к высоченному стеллажу: классика жанра, как учили-с, да только что ему делать со злосчастными установками?.. Как их, взаимоисключающие, изменишь, коли существа – вовсе, как кажется, не плод больного воображения, но реальность, данная ему, Рыкову, в ощущениях, только иная, нематериальная?.. Эх, Ильич, Ильич – что твой Бруевич!.. А ведь, пожалуй, даже если и подлечить восточногоминдлярндский его взгляд на мирок, подшлифовать, превратив тот, скажем, в англосаксонский, американский, ну или западноевропейский, все равно ничего в существах не изменится – ни-че-го-шень-ки, в том-то и ужас!.. Схватившись за гульфик, Пал Палыч сглотнул слюну, поставил ножку на ступеньку стремянки, потом на другую, третью и через несколько секунд оказался под натяжным (новая “умная” модель) потолком: там, на верхотуре, пылились труды Киллеровского, Слюничевского, Хербикова, Жлообса да прочих мужей не менее ученых, с патологией чувственной части познания знакомых не совсем чтоб уж понаслышке. «Мнимое вос-

приятие с характером действительности», – перечитал наш поллюцинант хрестоматийное определение своих картинок, а увидев, что на ослиповском «Курсе общего учения об анимарических восполеваниях» сидит, свесив прозрачные лапки-ниточки, розово-сиреневое существо с небесно-голубыми фасетчатыми глазами, неожиданно расчувствовался: «А ведь она – она? – пожалуй, красива... Да-да! Что-то в ней – в ней? – определенно есть...» – и, потеряв внезапно равновесие (опять, опять эта чертова вспышка!), полетел со всей дури на пол.

«Мечтаешь о горячей пыли далекого континента, доктор? Устал от серого асфальта городских улиц? Слышишь звяканье шпор на сапогах и звон браслетов на запястье босоногой принцессы? Видишь меч, пронзающий шелк?..» – больная мозоль! О, Рыков мечтал, Рыков видел, потому как серый асфальт и впрямь достал, ну а что касается босоногой принцессы – я скромной девушкой была, – то черная латексная маска с ярко-розовым резиновым ртом уже склонялась над ним, и Пал Палыч – вирго дум флоретам – не боялся, совсем почему-то не боялся того, что сейчас, к примеру, войдет Рита-1... КУЙ-ЖЕЛЕЗО, реклама того самого ва-а-алшебного препарата, который «грех не попробовать», – нежна, приветлива, мила, омнибус плацеба – и в самом деле сотворила чудо, но главное диво дивное таилось, конечно, в Голосе, вибрации которого вводили Рыкова в иное, совсем иное пространство! Он видел – пошла я как-то на лужок – в глазах принцессы торсионные поля, не подозревая, впрочем, что это – флорес адунаре – именно они, видел – да захотел меня дружок – информацию, которую те несли, чувствуя, что именно content, как выражался один из безнадежных пациентов Пал Палыча, и есть способ существования самой

жизни – иби дефлораре, – таинственное ее проявление; видел матрицу, вмещающую в себя опыт каждой – он взял меня под локоток, – абсолютно каждой – сед нон индецентер – анимашонки, причем в разных фазах развития: так до Рыкова наконец-то дошло, что настоящее, прошлое и будущее – и прямо в рощу уволок – и впрямь слиты, и если раньше – вальде фраздулентер – он мог воспринять лишь крошечный эпизод из этого невероятного фильма ужасов – он платье стал с меня срывать, – то теперь воображал себя едва ли не Криэйтором, разглядывающим со стороны – вальде индецентер – собственную конспиративную оболочку: итак, он, Рыков, выполняет задание – мне ручки белые ломать, – да-да, к мозгу его подключено энное количество датчиков... в общем, служит он – мультум виолентер – Высокой Науке, и нечего тут со свинным своим рылом.

Гул голосов меж тем усиливался – сначала Рыков слышал одну лишь принцессу, но потом различил вторую, третью, пятую (меццо), уловил как минимум семь баритонов, девять басов, шестнадцать тенорков и даже одного контратенора, ну а когда окончательно потерял им счет и попытался «проснуться» (впрочем, ко сну, как и к анимарическому восполеванию, это не имело, разумеется, никакого отношения), на головку его обрушился тот самый шквал content'a, от ужаса которого Пал Палыч и пытался избавиться – стоит ли говорить, что безуспешно? – страдающего seo-копирайтинговым микробом папца семейства... «Остановись, токтор! Остановись и задумайся о Плане... Хоть ты и выложил на "Однохлевточных.ru" все что мог, данных для эксперимента недостаточно, а потому бытьготоф: скоро у тебя, как и у всякого хомида, – радуйся! – появится модная IP-цацка: ни один раз-

говор, ни одно твоё действие не оставят – гордись! – без Высочайшего Внимания! Оно – благодари, да благодари же... – выправит анимарические позывы, декодирует каждую мысль, обнулит эмоции, повлияет на глубинные чувства, зачистит контент долговременной памяти... Великая НаноЭра ждёт тебя!» – «Группа Разработчиков ожидает, что применение данного Стандарта окажет существенное воздействие на формирование вашей личной отчетности. Группа предупреждает, что уполномочена применить к вам в случае Непонимания Разъяснение № 10986352 Комитета по Стандартам Протоколов и в случае Неподчинения или Помех, которые вы можете создать намеренно или случайно, подвергнуть вас насилью как моральному, так физическому...» – «И имей в виду: анима несвободной лишь в момент вспышки – вы это “оплодотворением” называете – делается, ну а потом – тьма тьмущая до Ходки новой... Ты вот почему, думаешь, весь уроддом двадцать пятый на уши тогда поднял? Сны о будущем не ушли, вот и маялся – в матке жизнь целую прожил: что было, что будет – все видел, все наперед знал... А как вылупился – ну рыдать! Кабы анима ведала, никогда б сюда не спустилась – вот хоминидов и того... “выключают”: рабсилу-то где брать?.. БОЖЕСТВЕННЫЕ, знаешь ли, хитрости...» – «Хоминиды, Рыков, – обыкновенный сбой программы. Что же Тушки касается, то не Его это рук дело... Он мир создал, ну а Тушку туда вдохнул только: Тушка-то всегда была, всегда-а, слышь?.. Со-Творение у Них. На равных, фифти-фифти, балом правят! 50 × 50: это ж как два байта...» – «Не веришь в магию, Рыков? Кишка тонка энергии больше набрать, чем враз “слить” можешь? Но коли сможешь, тогда и портал откроешь, и в сновидение войдешь... Двойника своего полевого опять же увидишь... Чего дрожишь?.. И не такой стоп-кадр из трехмерки вырезали... Да не дергайся, шу-

стрый... Сознанку кодернём – и куй, токтор, железо!» – «Это невроз, ну пусть это будет невроз, ну пожалуйста-а, – хныкал Пал Палыч, – пусть ловушка, только не из воспоминаний, а...» – на «а» его окончательно обнулили, после чего перед зрительным аппаратом Существа с невероятной быстротой завертели разноцветные огненные шары. Никогда в жизни не видело оно таких ярких красок, никогда не ощущало такого бешеного – и вместе с тем мягкого – тепла. И когда – текучее, пластичное, состоящее из одного только воздушного и светового эфира, – оно попало в похожее на кишку коммунального аппендикса пространство с мутноватым пятном, маячившим над дверью сортира (это ли пресловутая «хуманистическая лампада» в конце известно чего?), то почувствовало себя обманутым – обманутым несмотря даже на то, что представлений о переживаниях своих составить уже не могло, как не могло их запомнить или сохранить... Страшного, впрочем, ничего не было, а если что и пугало новоприбывшего, так это непроницаемые блоки, с маниакальной дошностью – пазл в пазл – расставленные над хрустной его планеткой: благодаря им небесный «контент» и оказывался для большинства из тех, на чьих клетках красовалась классификационная табличка «Хордовый Позвоночный Млекопитающий Примат», недоступным... И все же окольные пути неисповедимы: если взять производные от случайных событий, строгой зависимости в итоге, понятное дело, не избежать – кое-что в бессознанку все же просачивалось, и переживший upgrade Рыков понимал, что лишь благодаря утечке информации – давным-давно, в прошлой, как говорили особо продвинутые хоминиды, жизни – он признался Марго, не названной еще Ритой-1, в любви, да-да, и нечего кривить щель, а спустя десять лет, весной девяносто восьмого, существование Криэйтора было наконец официально признано, enter.

Очнувшись, Пал Палыч увидел обнюхивающую его Риту-2, чихнул и осторожно – головка кружилась – приподнялся и огляделся: ни существа... Странно, он будто б свыкся уже с их присутствием... Неужто и впрямь привиделись? Да, но в таком, знаете ли, ракурсе... С такими, знаете ли, деталями... Нет-нет, не то, все – не то... в том смысле, что быть не может, чтоб не было!.. Он видел, он помнит... помнит их... «Рита! – позвал Рыков Риту-1, и та хоть и не сразу, хоть и без удовольствия, но все же отозвалась. – Можешь представить, где я сейчас был? Только не подумай чего...» Не помня себя, Пал Палыч, потерявший вдруг, будто очарованный прелестницей вьюноша, всякую бдительность, с жаром принялся описывать благоверной все то, что называлось на ее языке симптомами и обсуждению с пациентом не подлежало. «Существа? Голоса?» – покачала она головой и, отвернувшись, прокусила до крови сначала нижнюю губку, а затем, для ровного счета, верхнюю – прокусила, заметим, не столь от отчаяния, охватывающего по обыкновению хоминида, когда тот отчетливо видит в ближнем своем клиента анимарических услуг, сколь от виртуального щелчка по носу, вызванного, как казалось теперь Рите-1, исключительно ее профнепригодностью.

Что тут скажешь! Воздух был чист и свеж, а Виленинский проспект, по которому шагал наш галлюцинант, как-то по-особому светел. «В Хоми-юге лишь Хоми дарует все желаемое, в Хоми-юге лишь Хоми – единственная, кто должен быть почитаем!» – услышал Рыков голос существа, махнувшего ему лапкой с крыши троллейбусной остановки, и улыбнулся: чего, в сущности, страшиться? Неведомая февральность, оголившая плечико, куда как

совершеннее февральности привычной: да ему теперь море по колено, да он теперь... «Тра-та-та-та», – в висках (контент-передоз, подсказало существо, но Рыков не слышал), тра-та-та-та», – информация, экскрементируемая снулыми гоминидами, наваяла-таки на Пал Палыча меланхолию. «Конвейер, с которого никто не сойдет», – так примерно рассуждал он, то и дело дотрагиваясь до зоны «третьего глаза», в которую и было, ежели кто забыл, на медни засвечено, и изо всех сил старался не вслушиваться, не всматриваться, не вчитываться в то, что: главные враги Хоминляндии – казнокрады, шпионы и террористы – наконец-то названы, погибших в ДТП в Пыталово похоронят за счет средств бюджета, сурок Фил предсказал, будто зима продлится еще шесть недель, альтернативы доллару пока нет, автомобилисты страдают повышенным нарциссизмом, эксперты рассуждают, как – V-, U-, L- или W-образно – будет развиваться кризис, хоминидка может хранить тайну не более сорока семи часов пятнадцати минут, около четырехсот священников приступят к работе в хоминляндских воинских частях, сперму можно вырабатывать и без самца-хоминида, если жить для себя, жизнь будет короткая, но если жить для ислама, она будет вечной, секси-киски из Варьино – к вам, к нам!.. «Тпр-р-р-ру! С Ма-а-асквы, с Па-асада, с Ка-алашного ряда!.. – какой-то господин в пенсне подмигнул Рыкову и, отпустив извозчика, заметил: – Долгое произношение первого предударного гласного и впрямь забавно, не находите?.. Но еще забавней мой сценарий для собаки Ольки... У вашей суки тоже ведь, коли не ошибаюсь, дамская кличка? Впрочем... вообразите-ка, дружище: актриска падает ниц, обнимает мои колени, а засим целует руки: и это только начало!.. – Пал Палыч занервничал: лицо господина в пенсне казалось знакомым, но вспомнить, где и когда они встречались, было невозможно. – Эх, все пу-

стое, дружище, верьте на слово... – Словно читая мысли Рыкова, господин в пенсне хлопнул его по плечу и зашелся кашлем. – Главное, ничего не бойтесь! Я бы на вашем месте завернул, знаете ли, в Соболев... Вы мещанскую сторонушку-то все по “Больному Головину”, верно, знаете – знатный был винный, да-с!.. В восьмидесятом – тысяча девятьсот, сами понимаете: я уж на Стародевичьем прописался – сказывал один совпис, будто познакомился он там с некой особой, ну а особа та, не будь ду... – Стараясь не потерять нить разговора, Пал Палыч судорожно сообщал, при каких обстоятельствах мог видеть господина в пенсне, но ничего путного из этого не выходило. – Сто “запретных” домов на четыре переулка коротких! – продолжал меж тем неизвестный. – Неужто не знаете? Есть, осмелюсь доложить, барышни весьма прехорошенькие... Пойдите-ка, да вы, сдается мне, нездоровы... Анимарическое восполение? Отчасти – дышите-с! – мы с вами коллеги... Хотите ли охладить то, что болит, – не дышите-с! – по обыкновению, от тоски? Впрочем, – дышите-с! – на пустое сердце льда не кладут. – Покачав головой, господин в пенсне убрал фонендоскоп в саквояж и продолжил: – Когда твое тело возвращают домой в вагоне для перевозки устриц, на такие штуки, как жизнь и смерть, начинаешь смотреть в некотором роде со стороны – как, впрочем, и на то, что вы, Пал Палыч, в силу ряда причин называете поллюцинациями. Тимоти Лири на вас нет... какие законы физики! Вздор. Вы, как и все эти хоминиды, – господин в пенсне указал на прохожих, – принимаете сию февральность за единственную. Оно, конечно, так-то так, все это прекрасно, да как бы чего с вами после подобного заблуждения не вышло! Хоминиды, конечно, и к речи – по большей части членораздельной – способны, и мыслить абстрактно (пусть самую малость) худо-бедно умеют... Особенно хорошо то, что шиньон из кости у них вконец отвалился,

черепушка – обратите внимание на основание, colega! – вогнулась, клетка, в которой томится сердце, уплощилась, ну а мозги, ежели сравнить те с мозгами других приматов, в целом заметно потяжелели; с другой стороны, мозг, скажем, самки гоминида весит меньше, нежели мозг самца, однако деградация мужских особей, как выражаются ваши СМИ, “достигла общепланетарного масштаба”... Но мы-то с вами, Пал Палыч, знаем: граммы ни при чем... Простите, не представился: Че, зовите меня Доктор Че...» – «А что, что при чем?! – взорвался вдруг, бросив футляр на мостовую, Рыков. – Существа окружили, голоса на каждом шагу... Я, знаете ли, всю жизнь – слышите? – всю жы-ызнъ тем только и занимался, что лечил... от этого самого лечил... и потому скажу со всей откровенностью: дело дрянь...» – «Ну-ну, не горячитесь! – усмехнулся Доктор Че. – Бессчетное множество февральностей ждет вас! Смиритесь, дружище, и простите себя: в конце концов, быть безумным не так уж скверно – если, конечно, расценивать вспышку как безумие... Ваши-то лекари простейшую медитацию “сенсорной депривацией” обзывают... да если б они только позволили себе в февральность иную выйти! Если б хоть раз тем самым “органом”, от которого вы, Пал Палыч, хоминидов полжизни избавить хотели, ее ощутили!.. О, тогда б вы поняли, почему Тимоти говорил, что никакой “метаболической комы” не существует, а шестая раса... – Не завершив фразу, Доктор Че достал вдруг флагу и, сделав большой глоток, хитро подмигнул Пал Палычу: – Но кому нужна бесстрашная паства? Crus Medicorum! Присоединяйтесь, дружище: знатное питье!..» Запахло жареным, а потом спорыньей. Рыков сам не заметил, как очутился в Наташкином саду; прислонившись к Хмелёвской стене, он приник к горлышку и немедленно выпил, а крикнув, выдал, что в Сиэтле сейчас плюс девятнадцать, в Оттаве и Цюрихе – шестнадцать, в Бостоне – двадцать

один, в Лос-Анджелесе – двадцать семь, на Ибнице – двадцать шесть, в Салониках – двадцать пять, в Стокгольме и Бергене – тринадцать, в Дамаске и на Кипре – тридцать, ну а в Калькутте – тридцать один градус, la-la, а значит, на хоминидов надо реагировать как на снег, осенило Рыкова, ну или как на дождь, одно слово – осадки: идут себе и идут – ему-то что? Он не имеет права их судить – точнее, не хочет больше... и Риту-1 вот тоже: Рита-1 не более чем снег... не более чем дождь... Рита-1 тоже не виновата, что идет, не виновата, что не видит: общее чувственное недоразвитие, эмпатийная недостаточность, анимаристическая отсталость средней степени тяжести... Поэтому так: вот снег, вот дождь – а больше и нет ничего... никого... Да что такое, в сущности, wichtige Leute?.. Смех в зале – и далее по тексту: хоминид есть червь; что же касается «генетически заложенной» потребности играть, то все это, как сообщает Вестник объединенных февральностей, фута и гнобление Пуха – так примерно размышлял Пал Палыч, шагавший в направлении Дурского: он никогда не бывал в Цыплаках и потому торопился на электричку. По дороге он купил газету, зашел в «Тинно-Такки» и, заказав темное пиво, загрустил ну совсем как какой-нибудь человек. Как и существа, Рыков, разумеется, знал, что приему в больничку подлежат хоминиды, нуждающиеся по анимаристическому своему состоянию в лечебно-воспитательных мероприятиях в условиях анимаристического стокционара, – но не знал, что за ним уже выехали.